

Гунсунь Сы ведь не принадлежал резиденции маркиза и не мог оставаться здесь вечно.

К тому же как без жилья и достатка найти себе жену?

Чжао Фан твердо вознамерился устроить будущее главного героя, чтобы сполна загладить вину прежнего владельца тела.

Поначалу Гунсунь Сы не выказал интереса к покупке дома, но слова Чжао Фана заставили его задуматься.

Он действительно мечтал о своем гнезде.

О месте, где он будет полноправным хозяином, а не приживальщиком. Вот только брать деньги, к которым приложил руку Шэнь Сюань, он не желал.

Гунсунь Сы вложил банкноты обратно в ладонь Чжао Фана:

— Мне ничего не нужно покупать. И уж тем более на деньги Шэнь Сюаня.

Чжао Фан тихо вздохнул: «Ну что за упрямец! Как с такой прямоотой становиться великим императором?»

Он все больше убеждался, что принял верное решение, оградив юношу от опасной борьбы за трон.

Чжао Фан приобнял Гунсунь Сы за плечо:

— Сяо Гу, давай-ка я растолкую тебе кое-какие житейские истины.

— Видишь ли, нельзя быть слишком простым и честным – таких людей всегда обводят вокруг пальца.

В прошлой жизни он и сам совершил эту ошибку: отдавал всего себя без остатка, готов был сердце вынуть из груди, а невеста все равно сбежала к другому.

Без денег и положения даже бабу не удержишь.

— Таких людей, как второй молодой господин, нужно использовать с умом. Своей выгоды упускать нельзя, а вот у него урвать кусок – милое дело. Пусть помучится, это и будет нашей мезтью.

— Если я сейчас верну ему эти пятьсот лянов, он же просто со смеху покатится!

— Нельзя совершать подобные глупости.

— Мы заберем его денежки и оставим его с носом.

— Пошли, брат сводит тебя, Цзисяна и Фугуя в кабак, посидим как следует.

Гунсунь Сы молча взирал на этого хитреца. Дело было вовсе не в честности – просто он слишком хорошо понимал, какие грязные мысли бродят в голове Шэнь Сюаня касательно Чжао Фана.

Он опасался, что в его отсутствие этот недотепа попадет в расставленные сети.

Похоже, проблему следовало решать кардинально.

Глаза Гунсунь Сы потемнели.

В первый день Нового года столица Великая Цзинь бурлила жизнью. Улицы были запружены народом, повсюду выступали бродячие артисты, а торговцы наперебой предлагали всевозможные лакомства.

Чжао Фан, жутко боявшийся холода, закутался по самые уши.

Цзисян и Фугуй, получив от Чжао Фана щедрый подарок в двадцать лянов каждому, тут же принялись сорить деньгами направо и налево.

— Сяо Гу, чего бы тебе хотелось?

— Выбирай, я все оплачу.

Чжао Фан чувствовал себя настоящим богачом и шел с высоко поднятой головой.

Гунсунь Сы же ко всему оставался безучастен.

Вдруг его взгляд остановился на лавке с паровыми булочками.

Когда-то они с кормилицей просили здесь милостыню. Хозяин лавки, добродушный мужчина средних лет, оказался одним из немногих, кто проявил к ним сострадание.

Он дал умиравшему от голода мальчику пиалу горячего чая и пресный пампушек.

Сейчас, на фоне лавок со всевозможными изысканными сладостями, у его прилавка почти не было покупателей.

Гунсунь Сы достал из-за пазухи серебро, полученное от Шэнь Цзяня за службу:

— Хозяин, две булочки.

Торговец не узнал его и с улыбкой завернул товар:

— С вас три монеты, господин.

Гунсунь Сы аккуратно положил на край стола целый лян серебра.

Хозяин растерялся:

— Ох... у меня не найдется сдачи.

— Господин, может у вас есть...

Но когда он поднял глаза, покупателя уже и след простыл.

— Господин! Господин! — Закричал он вслед уходящей толпе.

Чжао Фан, шедший следом, сразу понял, что этот человек когда-то помог юноше. Он с улыбкой подошел к прилавку:

— Хозяин, мне четыре булочки.

Увидев нового клиента, торговец принялся за работу, решив, что вернет сдачу щедрому господину, когда тот придет в следующий раз.

Чжао Фан забрал сверток и положил на стол увесистый слиток серебра:

— С Новым годом.

— Желаю вам процветания и удачи в новом году.

Он вежливо поклонился, сияя улыбкой.

Торговец так и замер, залюбовавшись пригожим юношей.

Когда он опомнился, Чжао Фан уже растворился в толпе, оставив на прилавке настоящее цельное серебро.

Хозяин стоял в полном недоумении: неужто серебро нынче совсем обесценилось?

Гунсунь Сы ждал Чжао Фана чуть поодаль. Он смотрел, как тот весело смеется, сощулив свои красивые глаза-полумесяцы, в которых плясали озорные огоньки.

Среди бурлящей толпы он не был самым высоким, но притягивал взгляды как магнит.

Гунсунь Сы заметил, как многие прохожие оборачиваются ему вслед.

А у лавки с булочками благодаря легкой руке Чжао Фана мгновенно выстроилась очередь.

В душе Гунсунь Сы внезапно родилось глухое, ревнивое желание спрятать этого человека от чужих глаз.

Вчетвером они обошли всю улицу, скупая и пробуя все подряд.

— Сяо Гу, ну что хорошего в этих пресных булках? — Недоумевал Цзисян. — Тебе обязательно нужно отведать суп из бараньих потрохов, вот где настоящий вкус!

— Точно-точно, а еще кровяную колбасу!

— Кукурузные сладости!

— Рисовый пирог!

Чжао Фан протянул кусочек теплого пирога к самым губам юноши:

— Попробуй, он такой нежный и сладкий.

При слове «рисовый пирог» Гунсунь Сы невольно опустил взгляд на губы Чжао Фана.

Словно околдованный, он наклонился и откусил кусочек.

Медленно разжевал.

И правда, очень нежный.

Чжао Фан обрадовался:

— Ну как? Вкусно ведь? Мое самое любимое лакомство.

Гунсунь Сы забрал остаток пирога из его рук:

— Да, мне тоже очень нравится.

Видя, что их вкусы совпали, Чжао Фан велел торговцу завернуть еще несколько порций:

— Это для моей матушки.

— Это для старой госпожи.

— Это тебе, а это передай наследнику титула.

Гунсунь Сы хотел было отказаться, но Чжао Фан решительно впихнул сверток ему в руки:

— Надо уметь ладить с людьми, понимаешь?

Они вернулись в усадьбу с горой покупок.

Чжао Фан чувствовал себя абсолютно счастливым в этой праздной сытой жизни и готов был влачить такое безбедное существование вечно.

Вечером они уселись играть в карты.

Гунсунь Сы никогда раньше не держал их в руках, но, понаблюдав за парой сдач, быстро во всем разобрался.

Поначалу Чжао Фан то и дело проигрывал, но стоило Гунсунь Сы включиться в игру, как Цзисян и Фугуй начали сдавать позиции одну за другой.

Чжао Фан дружески похлопал Гунсунь Сы по плечу:

— Идем, проводишь меня до нужника.

Нужник был лишь предлогом, чтобы поговорить наедине:

— Сяо Гу, неужели ты думаешь, что я действительно не умею играть?

— Я просто поддавался им.

— Фугуй падок на мелкую выгоду, а Цзисян всю свою плату до единой монеты отдает семье – у него матушка тяжело больна, на лекарства уходит прорва денег.

— Раз уж я заработал такую кучу серебра, то должен поделиться с друзьями, иначе нельзя.

— Нельзя жадничать, у жадин друзей не бывает.

— Ты еще совсем юн, я постепенно всему тебя научу.

После возвращения к игре Гунсунь Сы заметно сбавил напор, и настроение Цзисяна с Фугуем поползло вверх.

Новогодний отпуск Гунсунь Сы пролетел как один миг, и уже на второй день праздников он вместе с Шэнь Цзянем вернулся на службу.

Перед уходом Чжао Фан вручил ему аккуратно переписанные главы «Троецарствия» и дал ворох советов о том, как заводить полезные знакомства среди сослуживцев.

— Я попросил кухарок разогреть те рисовые пироги. Не забудь отдать долю Шэнь Цзяню.

Гунсунь Сы хотел отказаться, но, передумав, молча спрятал сверток за пазуху.

<http://bllate.org/book/18123/1739343>